

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ США В АТР

© 2014 г. **С.В. Михневич***
НИУ ВШЭ, г. Москва

В рамках настоящей статьи рассматриваются особенности влияния Китая на реализацию внешней политики США в АТР, ключевые механизмы взаимодействия КНР и США в Юго-Восточной Азии, а также основные тенденции развития международных отношений в данном регионе.

Ключевые слова: КНР, США, АСЕАН, АТР, Юго-Восточная Азия, внешняя политика, безопасность, стратегия, лидерство, регион, региональный комплекс безопасности, Южно-Китайское море, внешняя политика, экономика, международные отношения, традиционная безопасность, нетрадиционная безопасность.

На сегодняшний день в мире насчитывается незначительное число государств, способных проводить более или менее комплексную многовекторную и мультирегиональную внешнюю политику. По большому счёту – это вообще лишь США. Существует также ряд государств, проводящих или стремящихся проводить многовекторную политику на региональном уровне. К ним относятся Франция, Великобритания, Германия, возможности которых по реализации своей глобальной внешнеполитической стратегии ограничены имеющимися ресурсами. Это вынуждает их концентрировать усилия на достижении ключевых целей в одном, максимум, нескольких регионах. Но на международной арене появляются новые игроки, обладающие колоссальными ресурсами, необходимой политической волей, чей статус и положение в системе международных отношений, однако, не соответствует их реальной мощи. Это прежде всего Китайская Народная Республика.

Китай, обладающий сегодня второй по размеру экономикой в мире, крайне заинтересован в изменении существующего статус-кво. Стремление укрепиться в роли нового гегемона чётко прослеживается как в риторике, так и в практике политической деятельности руководства страны. Однако существующий мировой лидер – США, разумеется, не горит желанием уступать своё доминирующее положение и проводит активную политику по ограничению китайского влияния. При этом главным полем приложения таких усилий стал Азиатско-Тихоокеанский регион и Юго-Восточная Азия (ЮВА), в частности.

Значимость этого региона во внешней политике и США, и КНР сложно переоценить. Фактически от успеха или неудачи соперничества в ЮВА зависит

* **МИХНЕВИЧ Сергей Владимирович** – аспирант НИУ ВШЭ. E-mail: sxzex@yandex.ru

Исследование подготовлено в рамках гранта РГНФ 14-07-00059 «Политические функции региональных экономических объединений в современном мире».

дальнейший ход трансформации международной системы. В связи с этим изучение взаимодействия этих двух игроков в рамках указанного регионального пространства имеет исключительное значение для понимания и прогнозирования дальнейших путей и тенденций развития мировой политики.

Эволюция внешнеполитического целеполагания США после окончания «холодной войны»

Нынешний статус-кво в международной системе, включающий в качестве доминанты глобальной повестки дня соперничество США и КНР за мировое лидерство, непосредственным образом формировался событиями и явлениями, сопровождавшими эволюцию мировой политики в 1990-е годы.

В противостоянии с Советским Союзом США многое сделали, чтобы остаться единственным лидером в мировой системе, но, добившись этого, столкнулись со сложностями дальнейшей трансформации системы в своих интересах. В частности, трудности возникли с убедительным обоснованием целесообразности дальнейших изменений международной системы в сторону её наиболее эффективного соответствия американским интересам. Несмотря на абсолютное экономическое и военное доминирование, США главным образом стремились к получению краткосрочных тактических выгод, не особо заботясь о формировании адекватной долгосрочной стратегии и не стараясь учитывать чьи бы то ни было интересы в своей политике по форматированию системы международных отношений.

Двусмысленность и неадекватность политической повестки дня, диктовавшейся Вашингтоном, привели к тому, что в международной системе начали создаваться условия для её реформирования, которые никоим образом не могли трактоваться как позитивные для США.

В первом десятилетии XXI века США столкнулись с новыми вызовами и угрозами глобального характера в виде международного терроризма и экстремизма и были вынуждены использовать все свои экономические (и политические) возможности для противостояния им. Эта ресурсозатратная борьба против врага, «не имеющего лица и тела», осложнилась несколькими экономическими кризисами, что существенно ограничило возможности США по дальнейшему наращиванию собственного влияния. По мнению известного учёного Р. Гилпина [31] необходимое предварительное условие перемен в мировой политической системе состоит в её несоответствии существующему распределению влияния между теми игроками, которые в наибольшей степени выиграют от её изменения. Если несколько адаптировать данное утверждение к реалиям мировой системы после окончания «холодной войны», то получится следующее: статус-кво в политической системе сохраняется до тех пор, пока потенциальные риски заинтересованных участников от её трансформации превышают их риски от сохранения существующего положения вещей. Фиксация статус-кво, как правило, приводит либо к абсолютному ослаблению позиций заинтересованных игроков по отношению к основному выгодополучателю (т.е. выгодополучатель усиливается), либо к относительному ослаблению как невозможности в полной мере реализовывать свои стратегические цели осталь-

ными участниками при отсутствии значимых тенденций в усилении влияния основного выгодополучателя. Первым среди стран, заинтересованных в изменении статус-кво, стал Китай.

Наряду с трансформацией «традиционного» измерения мировой политики как сферы действия государств, изменение международной среды в контексте американского лидерства сопровождалось следующими тенденциями.

1) Появление новых, неподконтрольных США субъектов мировой политики негосударственного типа, крайне негативно настроенных не просто в отношении политики Соединённых Штатов, но и вообще американских ценностей. К числу подобных игроков можно отнести различные движения и организации экстремистского толка, чаще всего религиозного характера, использующие для достижения собственных целей террористические методы. Более того, негативное отношение к США переносится и на сторонников западной цивилизации, олицетворением которой воспринимается Америка.

Ещё одной составляющей тенденции, отражающей выход на международную арену игроков негосударственного типа, стала активность международного, в основном американского, бизнеса по оптимизации издержек и максимизации прибыли, выразившаяся в перемещении производств за пределы США и существенно усилившаяся с окончанием блокового противостояния времён «холодной войны». Дополнительным позитивным фактором для активизации американского бизнеса на международной арене стала концепция «демократического мира», активно продвигавшаяся в годы президентства Б. Клинтона. Согласно ей демократические государства не воюют друг с другом, а одним из наиболее действенных способов демократического транзита считается подъём уровня жизни недемократических обществ. Так, повышение правосознательности народа, его стремления отстаивать свои права вплоть до смены правящего режима увязывалось с улучшением его благосостояния.

После падения СССР крупнейшим «недемократическим» государством в мире остался Китай, который и стал «мишенью» американского бизнеса, принявшего ударными темпами переносить свои производства на территорию КНР. Это позволило Китаю диверсифицировать свою экономику и создать условия для увеличения совокупной государственной мощи страны. Стремительность наращивания и расширения американо-китайских экономических связей привела к тому, что США оказались в ситуации, когда они не могут в полной мере проводить собственную политическую линию в отношениях с КНР ввиду потенциальных рисков или угроз для экономических отношений двух стран.

2) Увеличилось число государств и наднациональных образований, принимающих активное участие в мировой политике. Правда, указанное увеличение коснулось региональных стран, а также государств, которые можно условно причислить к великим державам [5]. Б. Бузаном и О. Вевером одной из причин подобного развития событий было названо снижение уровня вмешательства в региональные отношения государств-доминантов, к которым на предыдущем историческом этапе относились США и СССР [25].

Ослабление вмешательства единственного оставшегося доминанта, США, позволило многим странам относительно самостоятельно выстраивать собственную внешнюю политику, накапливать международный «капитал». Правда,

подобные возможности получили, в основном, и так сравнительно сильные, мощные государства. Более слабым странам уменьшение вовлечения доминанта в их дела практически никаких бенефиций не приносило. Однако для активного участия подобных государств в международных отношениях также нашлась адекватная форма – расширение межгосударственного сотрудничества в процессе регионализации.

3) Подъём различных форм межгосударственного сотрудничества и новый виток регионализации, выразившийся в углублении взаимодействия в рамках региональных интеграционных группировок, одной из целей которых стало снижение участия и минимизация потенциального и реального негативного воздействия «внешних» игроков на ситуацию в регионе.

Необходимо отметить, что в конце XX века в оценке Соединёнными Штатами стратегической ситуации в регионе активизация регионализационных процессов в Восточной Азии не воспринималась в качестве потенциальной угрозы американским интересам, что привело к ряду серьёзных просчётов. Политика США в течение последних 20 лет в значительной степени стала причиной четырёх волн «вакуума безопасности» в ЮВА, существенным образом сказавшихся на региональных отношениях. «Вакуум безопасности» (ВБ) – состояние системы международных отношений, при котором существующие механизмы обеспечения безопасности, её архитектура не способны обеспечивать приемлемый для системных игроков уровень безопасности, определяемый в ходе секьюритизационных процессов.

«Первая волна» ВБ была связана с окончанием «холодной войны» и снижением региональной активности единственной оставшейся сверхдержавы, занявшейся оптимизацией избыточных ресурсов, использовавшихся ранее для обеспечения региональной безопасности. Так, с территории нескольких американских военных баз на Филиппинах были либо полностью выведены, либо значительно сокращены американские воинские контингенты. В это время в американской азиатской стратегии приоритетным регионом стала Северо-Восточная Азия (СВА) вообще, и Корейский полуостров, в частности. Кроме того американских стратегов также занимала проблема возможного падения Коммунистической партии Китая (КПК) и потенциальные последствия смены власти в КНР для самого Китая и всего АТР.

«Вторая волна» ВБ связана с политикой США в годы Азиатского экономического кризиса 1997–1998 гг., когда экономические средства по выводу из кризиса экономик стран региона, предложенные международными финансовыми организациями с подачи США, привели к существенному снижению уровня безопасности в АТР в связи с кардинальным падением уровня жизни. Так, в Индонезии за годы кризиса ВВП в пересчёте на душу населения упал с 1150–1180 долл. до 600–610 долл. США. При этом вернуть экономику на уровень 1996 г. удалось только к 2003 г. [44]. Подобное поведение США было воспринято как покушение на суверенитет стран региона и придало серьёзный импульс созданию механизмов, направленных на ограничение влияния внерегиональных сил в АТР [1].

«Третья волна» ВБ в регионе в своей основе имела реакцию США на события 11 сентября 2001 г, когда членами террористической группировки «Аль-

Каида» был произведён крупнейший в истории США теракт на территории этой страны. Администрация президента Дж. Буша объявила Юго-Восточную Азию «вторым фронтом» (после Ближнего Востока) войны с терроризмом. Региональная политика США привела к существенному усилению напряжённости в межконфессиональных отношениях в ЮВА, что нашло отражение в многочисленных противозаконных действиях в отношении представителей «чужих» конфессий и социальных групп, а также иностранцев.

«Четвёртая волна» ВБ стала откликом на события глобального финансового кризиса, развившегося из кризиса на рынке ипотечного кредитования в США. Она привела не только к значительному падению уровня жизни в странах региона, усилению имущественного расслоения в обществе и повышению гетерогенности существующих институтов регионального управления (АСЕАН), но и к относительному усилению позиций Китая, стремящегося «не упустить свой исторический шанс».

Таким образом, политика США оказывает серьёзное влияние на процессы обеспечения региональной безопасности. Если транспонировать приоритеты американской внешней политики [34] для макрорегиональных условий её реализации в рамках АТР, то можно обозначить следующие ключевые цели, стоящие перед США:

1. Ограничение геополитического и геоэкономического влияния Китая как главного соперника в борьбе за глобальное лидерство, заменившего в этой роли СССР и способного подвинуть США с 1-го места в мире как по размеру экономики (в среднесрочной перспективе), так и по военной мощи (в долгосрочной перспективе). По оценкам фонда Карнеги к 2035 г. экономика Китая должна составить 82 трлн. долл., а американская – 44 трлн. долларов [10].
2. Ограничение влияния других стран, таких как, например, Россия и Индия, чьи интересы пересекаются в регионе с американскими.
3. Поддержание лояльности союзников: Японии, Южной Кореи, стран ЮВА, с которыми имеются союзнические отношения, как оформленные соответствующими соглашениями, так и носящие не институционализированный характер.
4. Формирование условий для максимизации эффективного присутствия США в экономиках стран региона.

В рамках данной статьи нас, в первую очередь, интересует анализ роли «китайского фактора» в формировании и реализации американской внешней политики в Юго-Восточной Азии, его влияние на необходимость поддержания позитивных отношений США со странами региона, а также выбор оптимальных механизмов взаимодействия.

Достижение вышеуказанных целей внешней политики США на настоящий момент не представляется возможным без корректировки некоторых фундаментальных элементов всей американской внешнеполитической стратегии. Излишне активное применение политики в стиле «разделяй и властвуй», направленной на препятствование объединению ключевых региональных центров силы против США, привело к обратному эффекту – в регионе существенно снизился уровень доверия к американской внешней политике, её последовательности и кор-

ректности. В связи с этим, одно из необходимых направлений американской региональной политики сегодня – повышение мер доверия.

Стоит отметить, что и для Китая характерны непоследовательность и даже вероломство в отношении взятых на себя международных обязательств, а также агрессивность в формулировании и достижении собственных международных целей [11]. Но в своих официальных доктринальных документах Китай предлагал иной подход к реализации международных отношений, который выражается в политике пяти принципов мирного существования, изложенных ещё в декабре 1953 г. премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем [17].

Они включают в себя:

1. взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности;
2. взаимное ненападение;
3. невмешательство во внутренние дела друг друга;
4. равенство и взаимная выгода;
5. мирное сосуществование.

Немаловажно, что официальный подход Китая очень близок видению странами Юго-Восточной Азии особенностей организации международных отношений. В 1976 г АСЕАН опубликовала документ, получивший название «Договор о дружбе и сотрудничестве» (*Treaty on Amity and Cooperation*), содержащий следующие положения [27]:

1. взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной идентичности всех наций;
2. право каждого государства существовать без внешнего вмешательства, подрывной деятельности и принуждения;
3. невмешательство во внутреннюю политику другого государства;
4. разрешение разногласий и споров мирными средствами;
5. отказ от применения силы или угрозы силы;
6. эффективное сотрудничество между государствами.

Даже при беглом рассмотрении видно совпадение пяти принципов мирного сосуществования и текста «Договора о дружбе и сотрудничестве». В ценностном измерении можно констатировать определённое сходство внешней политики Китая и стран ЮВА, что позволяет существенным образом снизить асинхронность в восприятии и определении политических действий друг друга и внешних игроков. Иными словами, существует схожая система координат, в рамках которой те или иные политические действия и нарративы играют похожую роль в секьюритизации – дискурсивном процессе, посредством которого в политическом сообществе формируется восприятие того или иного фактора в качестве значимой угрозы, а также понимание необходимости принятия срочных исключительных мер по её устранению и выражается соответствующий призыв [25].

У внешнеполитической идеологии Соединённых Штатов иные краеугольные камни. Для корректного понимания регионального восприятия идеологического измерения внешнеполитической стратегии США, будет нелишним обратиться к мнению экспертов из самой ЮВА. Вьетнамский эксперт в области международных отношений Хай Хонг Нгуен выделяет следующие идеологические нарративы, лежащие в основе американской внешней политики в регионе:

1. Реализация стратегических и экономических интересов США;

2. Обеспечение и защита прав человека;
3. Продвижение американских ценностей [37].

Здесь стоит отметить одну важную деталь. При построении двусторонних отношений со странами, имеющими союзнические или дружеские отношения с Китаем и при этом чрезвычайно ценными для достижения ключевых целей американской внешнеполитической стратегии, США зачастую допускают значительное «отхождение» от собственных нарративов. Так произошло в отношении Мьянмы – наиболее жёсткого авторитарного государства региона. Фактически декларации руководства страны о намерении начать демократизацию и экономические реформы в стране было достаточно для того, чтобы США пошли на существенное улучшение отношений с этим государством. Разумеется, многолетние экономические санкции, действующие в отношении Мьянмы, не были полностью сняты. Но вскоре после заявлений руководства Мьянмы о начале реформ, её впервые в истории с визитом посетили госсекретарь США Хилари Клинтон, а затем президент Барак Обама [14].

При этом и по сей день Мьянма остаётся одной из самых коррумпированных и авторитарных стран ЮВА, а реформирование политической системы в государстве продвигается крайне медленно и непоследовательно. Тем не менее, исключительная геополитическая значимость этой страны, а также её многолетние партнёрские отношения с КНР заставили США значительно поступиться своими принципами в целях усиления влияния на руководство Мьянмы и ослабления её зависимости от Китая.

Несколько иная ситуация в отношениях между Соединёнными Штатами и Вьетнамом. Роль СРВ в региональной внешнеполитической стратегии США весьма высока – эта страна видится руководством США в качестве потенциального субрегионального лидера в Индокитае. При этом Вьетнам должен выступить в роли балансира китайской региональной политике в ЮВА. Конечно, своими силами реализовать это будет достаточно проблематично – несмотря на высокие темпы экономического роста, экономика Вьетнама во много раз меньше китайской, что сказывается и на других компонентах совокупной государственной мощи СРВ. Однако в случае Вьетнама речь не идёт о создании полноценного, сопоставимого по мощи соперника Китая. По мнению американских стратегов оптимальным направлением укрепления регионального лидерства СРВ является получение абсолютных и относительных конкурентных преимуществ перед КНР в наиболее технологичных отраслях, т.е. в тех сферах, где позиции Китая пока ещё не слишком сильны [13].

Для реализации подобного сценария Вашингтон принял решение расширить сотрудничество с СРВ, особенно в сфере высоких технологий и инноваций. Приток американского капитала, как непосредственно из США, так и через другие страны, где имеется широкое присутствие американского бизнеса, сопровождается внедрением эффективных технологий производства и управления, отсутствующих у Китая. Не забываются также и отрасли, использующие многочисленную и более дешёвую, нежели китайская, рабочую силу [13].

Однако тот факт, что Вьетнам исторически выступал в роли регионального центра силы, альтернативного Китаю, а также благодаря тому, что в отношениях между этими странами продолжает оставаться значительное число не-

решённых проблем, включающих такие серьёзные как соперничество за спорные территории в Южно-Китайском море, налаживание полноценных союзнических отношений между ними маловероятно. Это позволяет США более жёстко следовать собственным принципам в отношениях с СРВ [37].

В целом же, если сравнивать идеологическое измерение внешней политики США и КНР в регионе во время и после окончания «холодной войны», то можно наблюдать противоположные тенденции. Политика КНР стала значительно более взвешенной и последовательной, произошёл отказ от поддержки различных прокоммунистических движений, что было характерно для внешней политики Китая времён Мао Цзэдуна и первых десяти лет после его смерти. США, напротив, стали проводить менее рациональную политику, насыщенную различными девиациями, связанными со стремлением максимизировать своё влияние и распространить собственную систему ценностей, базирующуюся на зачастую полярно трактуемом понятии «права человека». Реализация этой политики США привела к трагическим терактам 11 сентября 2001 года.

Ответом на атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне стало ужесточение американской внешней политики, установление абсолютного примата силы в разрешении проблем безопасности страны. Для подведения идеологической основы под новый внешнеполитический курс вновь использовались идеи демократии и прав человека, главной угрозой которым был объявлен терроризм. Несмотря на декларативное формулирование целей борьбы с терроризмом в виде обеспечения безопасности страны и защиты демократии и прав человека, руководством США был предпринят ряд действий, прямо нарушающих эти самые права человека: правительство Соединённых Штатов расширило свои полномочия по надзору за гражданами [48], а президент США получил новые возможности в отношении стран, организаций и личностей, связанных с терактами 11 сентября 2001 года [49].

После означенных событий Соединённые Штаты стали значительно чаще, нежели в предыдущее десятилетие прибегать к масштабному использованию военной силы. Ими были начаты крупнейшие операции в Афганистане и Ираке, осуществлено наращивание американских контингентов в Южной и Юго-Восточной Азии, развёрнута масштабная разведывательная деятельность по всему миру. Важным отличием американской внешней политики в начале 2000-х годов от предыдущего десятилетия стало нарочитое и показательное пренебрежение нормами международного права и существующими международными механизмами глобального управления. Фактически США сознательно дистанцировались от многосторонних механизмов, могущих ограничить их «свободу рук».

Несмотря на существенную радикализацию внешней политики, руководство США понимало, что глобальная борьба с террористической угрозой невозможна в полной мере без участия других заинтересованных стран. Этот факт повлиял на пересмотр и корректировку подходов США к взаимодействию с другими государствами: Россией, Пакистаном, Индией, Китаем. Большой упор в противостоянии терроризму также делался на двусторонние отношения с партнерами США в ЮВА.

Однако выбор преимущественно силовых методов противостояния терроризму не способствовал решению данной проблемы и усилению регионального влияния США, а во многих случаях, наоборот, приводил к эскалации внутренних противоречий в регионе и серьёзному обострению проблем безопасности. Немаловажно и то, что США заняли излишне жёсткую нормативную позицию по отношению к другим участникам международной системы: «кто не с нами, тот – против нас».

Вкупе с жёсткими методами достижения внешнеполитических целей это способствовало неприятию американской позиции политическими элитами ряда государств тех регионов, где США развернули свою войну с терроризмом. Правительства таких стран зачастую были вынуждены декларативно поддерживать американскую политику, что, например, произошло с Пакистаном. Однако в конечном счёте поддержка США привела к расколу внутри самого Пакистана и утрате официальным Исламабадом полноценного суверенитета над территорией страны. Нежелание учитывать ценностные системы других государств с преобладающим мусульманским населением, таких как Индонезия и Малайзия, вылилось в потерю потенциального внешнеполитического ресурса среди «колеблющихся государств», точнее их правящих элит.

Политика «свободы рук» США привела не к полной победе над терроризмом и укреплению американского влияния и моноцентризма в международных отношениях, но к распылению сил на многочисленные операции и глобальное присутствие, не имевшие реального эффекта. Влияние США также было подорвано последствиями глобального экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. и возникшего первоначально в экономике США. В ЮВА определённое «схлопывание» американского влияния привело к увеличению комплексного влияния Китая.

В последние годы с приходом к руководству США администрации Обамы Соединённые Штаты стали уделять больше внимания проведению собственной внешней политики в рамках действующих международных правовых норм. Если при Дж. Буше-мл. США регулярно действовали в одностороннем порядке с нарушением норм международного права и без санкций ООН, то теперь ситуация начала изменяться. Это связано, в том числе, с осознанием американским руководством факта, что США не могут больше позволить себе неосмотрительное и малоэффективное использование военных инструментов внешней политики, что было весьма характерно для предыдущего руководства страны. Большинство своих шагов на международной арене, требующих применения военной силы, США стараются проводить через решения главного института глобального управления – ООН и её Совета Безопасности, что достаточно чётко видно в отношении актуальной сегодня Сирийской проблемы.

При этом в ЮВА США сами апеллируют к необходимости следования нормам международного права при разрешении возникающих международных проблем, например, в отношении спорных территорий в ЮКМ. Вместе с тем острым остаётся вопрос о формах и характере участия США в региональных отношениях в ЮВА. Не менее важно и то, как скажется на этом процессе стремление КНР укрепиться в регионе, фактически являющемся плацдармом для глобальной «экспансии» Китая.

Роль США в региональной системе отношений в ЮВА после окончания «холодной войны»

Структурной основой американского присутствия в АТР стала так называемая «Сан-францисская система отношений», сформированная США после окончания Второй мировой войны. В её основе лежал Сан-Францисский мирный договор с Японией 1951 г., фиксирующий ключевые принципы американской внешней политики в АТР, а также статус отношений США с их новыми союзниками, первоначально Японией и Кореей. Впоследствии принципы американских отношений с Японией и Кореей были распространены и на отношения США с другими их региональными партнёрами, что сформировало «Сан-Францисскую систему отношений». Можно отметить следующие её черты [10].

1. Заключение двусторонних, асимметричных и неравноправных договоров безопасности с ключевыми региональными государствами: Японией, Южной Кореей, Тайванем, Австралией, Новой Зеландией, Филиппинами. Позднее указанные соглашения были дополнены оформлением квазисоюзнических отношений с Таиландом, Сингапуром и Вьетнамом, а также стратегически важным государством из соседнего, Южно-Азиатского региона – Индией.

2. Зафиксированные договорённости позволили США создать сеть военных баз как для сухопутных войск, так и для ВМФ в странах АТР, что позволило обеспечить постоянное военное присутствие в макрорегионе.

3. Были налажены асимметричные экономические отношения между США и их региональными союзниками. США в одностороннем порядке открывали свой рынок для доступа товаров из стран-союзников.

4. СССР и КНР рассматривались Америкой в качестве ключевых стратегических соперников в рамках Большой Восточной Азии. При этом Советский Союз, а затем Китай позиционировались в качестве главного соперника США также и на глобальном уровне.

5. США достаточно скоро отказались от идеи создания коллективного органа макрорегиональной безопасности, также как и от идеи формирования регионального экономического блока.

Ключевой особенностью участия США в региональных отношениях представляется следующая: *внешнеполитическая стратегия США в ЮВА должна рассматриваться через призму американо-китайских отношений*. Можно с определённой долей уверенности утверждать, что Китай – это центр, вокруг которого вертится внешняя политика США в регионе с момента создания КНР в 1949 г. Стремление сдержать распространение «коммунистической заразы» в ЮВА нашло отражение в заключении вышеупомянутых договоров о размещении военных баз США на территории стран региона: Таиланда (с 1954 г.) и Филиппин (с 1951 г.), что стало основой для американского присутствия в ЮВА, где общая численность контингентов США достигла к концу «холодной войны» 135 тыс. человек. После её окончания часть баз была закрыта, и 15 тыс. солдат были выведены с баз США на Филиппинах [30]. США выступили в роли гаранта безопасности ЮВА от внешнего вмешательства. Согласно «Гуамской доктрине» 1969 г. США обязывались обеспечивать безопасность стран-союзников от агрессии со стороны крупных держав – СССР или КНР [32], а обеспечение внутри-

региональной безопасности всецело легло на плечи самих стран региона. Это дало им стимул к сотрудничеству по широкому кругу вопросов безопасности в рамках Ассоциации. О причине доверия этих государств к США, признавших их в качестве гаранта региональной стабильности, удачно сказал бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю: «США были той силой, к которой мы испытывали наименьшее недоверие» [35].

Тем не менее, США не удалось в полной мере сформировать региональную среду, максимально отвечающую их интересам. Так, идея создания военного блока – СЕАТО [16], призванного сыграть в региональных отношениях роль НАТО в Европе, провалилась, поскольку азиатские страны не желали объединяться в одной организации с бывшими метрополиями [41]. Неоднозначное отношение вызвали действия США в годы вьетнамской войны. В частности, страны ЮВА негативно отнеслись к вмешательству во внутренние дела суверенного государства. Наличие значительного числа потенциальных лакун для распространения влияния вышло на первый план уже в 1990-е годы с началом возвышения Китая.

Как уже отмечалось выше, пересмотр приоритетов внешней политики США привёл к первой волне «вакуума безопасности» в ЮВА. В АТР для США более важным стал регион Северо-Восточной Азии. Наряду с проблемой разделённого Корейского полуострова неотложной стратегической задачей стало реформирование отношений США с Японией, достигшей колоссальных успехов в экономическом развитии в годы биполярного противостояния и чьё общество выказывало недовольство «неполноценным» статусом страны. Потенциал использования японского «экономического чуда» для кардинального изменения статуса страны на международной арене и её становления в качестве противовеса США вызывал серьёзные опасения у американского истеблишмента [24]. Ввиду этого Соединённым Штатам были необходимы новые возможности по стабилизации региональной обстановки. Выход был найден в расширении сотрудничества с Китаем, который в то время не рассматривался в качестве потенциального конкурента США на мировой арене.

По отношению к Китаю было решено применить «двухуровневый» подход, сочетавший политику «сдерживания» и «вовлечения», что предполагало также расширение экономических связей между США и КНР [6]. Развитие отношений с Вашингтоном стало одной из основных причин корректировки внешнеполитической идеологии КНР, её перевода в более прагматичное русло [15]. К концу 1980-х годов Китай окончательно осознал важность экономического фактора в повышении статуса страны на мировой арене [7]. Но не обладая современными технологиями, Пекин был вынужден изыскивать способы их приобретения за рубежом, в первую очередь у США и их союзников. Это автоматически подтолкнуло КНР к смягчению своего видения международной обстановки. В это же время в правящих кругах США зрели мысли о необходимости вовлечения КНР в международные организации, чтобы «научить» Китай игре по существующим правилам [43]. Большую роль в реализации политики «вовлечения» Китая [29] сыграли страны АСЕАН, руководствовавшиеся, правда, своими собственными, хотя и схожими целями [33]. Одновременно США поддерживали двусторонние связи с государствами региона, с которыми

у них были заключены соответствующие соглашения, а также с некоторыми новыми странами ЮВА, пожелавшими такие отношения наладить – с Сингапуром, Малайзией и Индонезией, которые предоставили американским вооружённым силам доступ к своей портовой инфраструктуре для поддержания возможностей США по присутствию в Южно-Китайском море.

В период президентства Билла Клинтона, несмотря на определённые проблемные периоды в отношениях между США и КНР, связанные с напряжённой обстановкой в Тайваньском проливе в 1996 г., и бомбардировкой самолетами НАТО китайского посольства в Белграде в 1999 г., контакты между КНР и США постепенно развивались. Даже модернизация Народно-освободительной армии Китая (НОАК) не вызывала серьёзной озабоченности в США, так как оценки боеспособности китайской армии, проводившиеся в тот период, говорили о кардинальном отставании НОАК не только от армии США [40], но и от вооружённых сил Тайваня [21]. Тем не менее, у КНР уже тогда имелось превосходство над вооружёнными силами стран АСЕАН, что, вкупе с периодической «демонстрацией мускулов» Китаем [9], не позволяло США и далее снижать численность своих ВС в регионе [26].

Политика Вашингтона по отношению к КНР на рубеже веков тяготела к вовлечению, а не к сдерживанию. Так, президент США Клинтон называл Китай «стратегическим партнёром». Восприятие Китая серьёзно изменилось с началом президентства Дж. Буша-мл., администрацией которого был взят курс на сдерживание КНР. Практически сразу Китай был назван «стратегическим соперником» США. Но теракты 11 сентября 2001 г. заставили руководство США обратиться к помощи КНР в международной борьбе с терроризмом. Одновременно с этим Вашингтон продолжил курс на сдерживание КНР.

В своей политике в регионе США попытались повысить роль двусторонних альянсов, периодически демонстрируя своё скептическое отношение к эффективности многосторонних механизмов в ЮВА [4]. В 2001–2004 гг. США удалось не только подписать новые военные соглашения с Филиппинами и Таиландом, которым был предоставлен статус «стратегических союзников вне НАТО», но и с Индонезией и Вьетнамом. Причём сотрудничество с СРВ стало развиваться быстрыми темпами. В 2008 г. между странами был создан формат диалога по военно-политическим вопросам, включающий встречи министров обороны и визиты глав государств. Ещё одним интересным показателем улучшения взаимоотношений между странами стало посещение американскими военными кораблями вьетнамских портов.

В 2002 г. США подписали с АСЕАН «Совместную Декларацию о борьбе с международным терроризмом» [22], и с того же 2002 г. США стали возвращать свои военные контингенты на базы на Филиппинах и в Таиланде и расширять военное сотрудничество со странами региона. При этом необходимо отметить важную деталь: с 2001 по 2007 гг. из более чем 40 военных учений, проведённых Вашингтоном со странами АСЕАН, около 70% были проведены в районе Южно-Китайского моря [19]. Тем не менее, политика администрации Буша в регионе не была последовательной и не носила комплексного характера. Так, за время обоих президентских сроков Дж. Буша США не присоединились к «Договору о дружбе и сотрудничестве», что не могло не вызвать не-

понимания в регионе. Только с приходом в Белый дом Б. Обамы наметились коренные изменения в политике США в ЮВА и АТР в целом.

Уже в июле 2009 г., в ходе участия в заседании Азиатского регионального форума по безопасности, Госсекретарь США Х. Клинтон поставила подпись на документе о присоединении США к «Договору о дружбе и сотрудничестве» [19]. В том же 2009 г. состоялась первая встреча лидеров АСЕАН и США в Сингапуре, ставшая ежегодной [20].

В совместном заявлении, принятом по результатам встречи, стороны отметили необходимость дальнейшего расширения партнёрства и его вывод на новый уровень. Попутно США увеличили свою экономическую активность в странах региона. Только с 2009 по 2010 гг. объём совместной торговли вырос с 149,6 млрд. долл. до 186,1 млрд. долл., т.е. на 24,4% [38]. Но, несмотря на это, США остаются только четвёртым торговым партнером АСЕАН [38], уступая и КНР, и Японии, и Европейскому Союзу.

Американским руководством был сделан серьёзный шаг и в расширении взаимодействия с КНР: существовавший ранее стратегический экономический диалог был реформирован в стратегический и экономический [50], что по мысли американского руководства должно было дать новые возможности для выстраивания комплексных отношений с Китаем. В официальной риторике США фактически перестали склонять Китай к тому, что он должен научиться быть ответственным участником (*a responsible stakeholder*) мирового сообщества [18]. У руководства США возникла идея нового вовлечения КНР – через учреждение «Большой двойки». Но данная идея не нашла понимания у руководства КНР, решившего не выступать «в роли мирового гегемона» [51]. В Пекине пришли к выводу, что участие в таком механизме на данном этапе способно нанести существенный вред мировым позициям КНР.

Отказ КНР от «раздела влияния» в рамках «Большой двойки» заставил руководство США вернуться к комплексной стратегии сдерживания КНР. Для реализации этой стратегии США обратились к одному из наиболее чувствительных полей в региональных отношениях – проблеме спорных территорий в Южно-Китайском море. США предприняли попытки по интернационализации конфликта, т.е. постарались сделать то, чему больше всего противится Китай с самого начала 1990-х годов. В своем выступлении на Ханойском заседании АРФ в 2010 г. Х. Клинтон заострила внимание на следующих моментах [8]:

- 1) был поднят вопрос о выработке Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море.

- 2) США заявили о готовности быть посредником между заинтересованными сторонами при реализации положений Декларации 2002 г. и подняли вопрос о подключении «мирового сообщества» к урегулированию обстановки в Южно-Китайском море.

- 3) была подчеркнута необходимость разграничить «допустимость (*legitimacy*) притязаний на участки суши ЮКМ и его акваторию». Китай получил вполне отчётливый сигнал о непризнании его притязаний на 80% Южно-Китайского моря.

Несмотря на то что в то время данная позиция США не получила развития, такое отношение Америки к ключевому вопросу для стран региона пока-

зательно. Новый шаг США сделали на саммите АТЭС 2011 г. в Гонолулу, когда в выступлении, предварявшем саммит, Х. Клинтон заявила, что «XXI век станет Тихоокеанским веком Америки» [47]. А в начале декабря 2011 г. госсекретарь совершила поездку в Мьянму, что стало уникальным событием, продемонстрировавшим серьёзность намерений США. Показательно, что представляя новую военную стратегию США, опубликованную вскоре после этих событий, президент Обама заявил: «Мы будем усиливать наше присутствие в АТР, бюджетные сокращения не будут производиться за счёт этого критически важного региона» [39]. Более того, совместные учения вооружённых сил США и Филиппин (*Balikatan*), состоявшиеся в апреле 2012 г., проходили в непосредственной близости от спорных территорий Южно-Китайского моря. Это также может служить очередным доводом в пользу того, что США не разделяют притязаний КНР на обширные территории в Южно-Китайском море, так как в противном случае американское руководство воздержалось бы от подобных действий. Важность Южно-Китайского моря для американской политики проистекает из его первостепенного значения для обеспечения безопасности КНР, а также ресурсной безопасности своего стратегического союзника в регионе – Японии, в которую через Южно-Китайское море поставляется более 80% импортируемой нефти [36]. Тем не менее, говорить о перспективах максимально жёсткой реакции США в отношении политики КНР в регионе преждевременно – слишком высока взаимозависимость стран. Так, основная часть колоссальных золотовалютных резервов КНР размещена в американской валюте, Китай также – крупнейший держатель американских долговых обязательств (на конец 2011 г. более 700 млрд. долл.) [2]. На территории КНР располагаются производственные мощности многих ключевых американских корпораций – «Дженерал электрик», «Дженерал моторс», «Эппл» и т.д. К тому же китайское лобби в американских органах власти по своей мощи уступает только еврейскому. Одним из ключевых моментов корректирующего влияния «китайского фактора» на региональные отношения и стратегию США в отношении них представляется сохранение Китаем роли основного потенциального источника военно-политической дестабилизации в регионе.

Немаловажно, что события вокруг ситуации со спорными территориями в Южно-Китайском море в 2013 г. продемонстрировали нежелание США на данный момент принимать активное участие в разрешении проблемы на стороне своих союзников. В противостоянии Филиппин с Китаем по вопросу спорных островов и акватории Южно-Китайского моря Соединённые Штаты воздержались даже от прямого осуждения действий Китая, сконцентрировав внимание на предоставлении помощи по перевооружению ВС Филиппин. Подобная пассивная позиция Вашингтона расценивается в Пекине как проявление слабости. Новому руководству Китая, пришедшему к власти осенью 2012 г., необходимо укрепить собственное влияние и авторитет как на внутренней, так и на внешней арене в рамках реализации политики «китайской мечты», подразумевающей кардинальное повышение статуса Китая. И для этого очень хорошо подходит демонстрация силы для защиты национальных интересов в сфере утверждения суверенитета над спорными территориями. Хотя, возможно, новая

перспектива интернационализации проблемы и более активное участие США в будущем заставят КНР подкорректировать свою позицию.

Вместе с тем, именно «стимулирующее» влияние США побудило Китай начать определённое «движение навстречу» пожеланиям стран региона, что произошло, например, по итогам уже упоминавшегося выступления Х. Клинтон на Ханойском заседании АРФ. Нежелание «излишней» интернационализации проблемы спорных территорий в Южно-Китайском море в виде участия США в её разрешении подтолкнули Китай к продолжению работы по выработке «Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море», отложенного в «долгий ящик» практически с момента подписания в 2002 г. соответствующей Декларации. В июле 2011 г. Китаем и АСЕАН был подписан документ «Дорожная карта реализации Декларации о поведении сторон», текст которого прорабатывался с августа 2005 г. [45].

Однако ряд событий, последовавших в 2012 и 2013 гг. показал, что до создания полноценного «Кодекса поведения сторон», в котором удалось бы согласовать позиции всех заинтересованных государств ещё далеко. Так, по результатам 45-й встречи министров иностранных дел стран АСЕАН, состоявшейся 9 июля 2012 г. в Пномпене, впервые за всю историю Ассоциации не была принята совместная декларация. Это произошло из-за отказа Камбоджи, председательствовавшей на встрече, включить в текст декларации параграфы, касающиеся совместной позиции стран АСЕАН по проблеме Южно-Китайского моря. Развернувшаяся затем полемика в СМИ возлагала вину за эту неудачу на Китай, который повлиял на позицию Камбоджи.

Более свежим примером, демонстрирующим сложность проблемы Южно-Китайского моря, а также отсутствие единого подхода к её комплексному решению, могут служить результаты «Форума высокого уровня». Указанный форум состоялся 2 августа 2013 г. в Таиланде и был посвящен десятилетней годовщине установления отношений стратегического партнёрства между Китаем и АСЕАН. Одним из вопросов форума стало определение подходов АСЕАН и Китая к имплементации «Декларации о поведении сторон» 2002 г. Важной деталью стала чрезвычайно осторожная позиция Таиланда, председателя встречи, по вопросу выработки «Кодекса поведения сторон», в соответствии с которой проблема ЮКМ не должна служить барометром отношений между Китаем и АСЕАН [8]. Это предложение со всей очевидностью демонстрирует отсутствие в АСЕАН единой позиции по Южно-Корейскому морю и нежелание Ассоциация в целом идти на обострение отношений со своим могучим соседом из-за интересов её отдельных членов. Одновременно с проведением форума Китай направил в США протест в ответ на принятие американским Сенатом резолюции, содержащей обеспокоенность действиями КНР в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях [8]. Подобное поведение Китая достаточно чётко демонстрирует его нежелание допустить возможность будущей интернационализации проблемы ЮКМ, а также стремление ограничить и впредь возможность участия внешних, с его точки зрения, игроков в региональных отношениях.

Важным фактором, способствующим дальнейшему расширению и повышению эффективности механизмов китайского воздействия на своих партнёров в АСЕАН можно считать расширение экономического сотрудничества между

КНР и АСЕАН, вылившееся в создание в 2010 г. Зоны свободной торговли (ЗСТ) «Китай – АСЕАН». Соглашение о ЗСТ составлено так, что в краткосрочной и среднесрочной перспективах оно предоставляет бóльшую выгоду для стран региона, нежели для Китая, что не только способствует наращиванию экономической взаимозависимости между КНР и странами ЮВА, но и существенно повышает заинтересованность стран региона в сохранении установленного статус-кво [12]. Прекращение или даже ограничение экономических контактов с Китаем может нанести существенный урон экономикам стран региона, во многих сферах уже переориентировавшимся на сотрудничество с Пекином. Подобная ситуация, когда эффективность использования экономических инструментов внешней политики принудительного типа в отношении партнёров выгоднее, чем в отношении врагов, обосновывается в рамках «парадокса санкций» Д.В. Дрезнера [28]. При этом сочетание различных экономических инструментов внешней политики как принудительного, так и стимулирующего типа позволяет существенно повысить эффективность механизма воздействия на принятие решений по ключевым политическим вопросам [3], интересующим Китай в регионе. США же на настоящий момент не готовы предложить своим партнёрам в ЮВА условия, аналогичные китайским, продвигая идеи создания двусторонних зон свободной торговли.

Таким образом, США, провозгласившим особую значимость АТР в американской внешнеполитической стратегии в XXI веке, приходится сталкиваться с нарастающим влиянием КНР практически по всем фронтам в ЮВА – регионе, занимающем в свою очередь центральное положение в АТР. И, значит, «китайский фактор» будет продолжать играть ключевую роль в политике США в Юго-Восточной Азии и АТР.

Подытоживая анализ американской политики в регионе, можно выделить следующие её ключевые особенности:

1. Действия США в регионе направлены, в первую очередь, на противостояние КНР, для чего США используют два основных типа политики – сдерживание и вовлечение. При этом в последнее время в связи с возросшим значением КНР в регионе приоритет отдан сдерживанию, что обосновывается растущими притязаниями КНР на укрепление своего статуса в регионе, а также усилением военного потенциала Пекина.

2. Вашингтон до сих пор выступает в роли гаранта военно-политической безопасности стран региона, осуществляемой через сеть двусторонних договоров безопасности. Однако США сталкиваются с необходимостью реформирования существующих механизмов с учётом требования времени и новых задач их применения.

3. США испытывают определённые сложности взаимодействия с ключевой регионально организацией – АСЕАН. Поэтому Вашингтон стремится перевести регионализационные процессы «на свои рельсы». Или, по крайней мере, снизить издержки от вовлечения в них Китая для реализации собственного регионального лидерства. Необходимость такой политики обусловлена как внешнеполитическими нарративами США, так и расширением регионального присутствия КНР, могущего затем распространиться на весь АТР.

4. для увеличения своего влияния в регионе США используют комбинацию различных подходов, включающих расширение военно-политических контактов, а также экономического взаимодействия. Вместе с тем, в американской политике в регионе не всегда учитываются региональные особенности, такие как значимость суверенитета и невмешательства в дела соседних государств, что сдерживает её эффективность.

5. присутствие США в регионе также ставит целью обеспечение компонентов нетрадиционной безопасности, в частности, энергетической, ближайших союзников США, таких как Япония, чья зависимость от поставок ресурсов через спорные районы ЮКМ крайне велика, а также возможность влияния на обеспечение безопасности КНР.

Список литературы

1. *Андропова И.В.* Международный валютный фонд: вчера, сегодня, завтра (http://www.iorihse.ru/mvf/materials/mvf_v_s_z.pdf).
2. *Боляtko А.В.* Отношения КНР – США: переломный период? / Китай в мировой и региональной политике // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск 16. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 85–96.
3. *Братерский М.В.* Невоенные рычаги внешней политики России: региональные и глобальные механизмы. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 282 с.
4. АСЕАН в начале XXI века: актуальные проблемы и перспективы / Под ред. Л.Е. Васильева. М.: ИД Форум, 2010. 368 с.
5. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО–Университет, 2010. 444 с.
6. *Галенович Ю.М.* Америка и Китай: история и перспективы взаимоотношений // Китай в Мировой политике / Под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2001. С. 239–267.
7. *Гун Ли.* Идеология политики Дэн Сяопина в отношении США и китайско-американских отношений // Китайские оценки внешнеполитической стратегии Буша и китайско-американских отношений. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 11–18.
8. *Канаев Е.А.* Десятилетие стратегического партнёрства АСЕАН – Китай и проблема Южно-Китайского моря: к итогам Форума высокого уровня (www.imemo.ru/ru/publ/comments/2013/comm_2013_028.pdf).
9. *Канаев Е.А.* Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М., 2007. 324 с.
10. *Крупянко М.И. Арешидзе Л.Г.* США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения, 2010. 448 с.
11. *Малетин Н.П.* АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО–Университет, 2007. 312 с.
12. *Михневич С.В.* Влияние проблем международной безопасности на проведение КНР своей внешней экономической политики на примере взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии» // Материалы 2-й международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» / Отв. ред. Д. Буяров. Благовещенск, 2012. С. 207–213.
13. *Михневич С.В., Волинский А.И.* Вьетнам – новая Поднебесная в тени США Ч. 1 (<http://modernpolitics.ru/2012/09/vietnam-novaya-podnebesnaya-v-teni-ssha/>; Ч. 2 (<http://modernpolitics.ru/2012/09/vietnam-novaya-podnebesnaya-v-teni-ssha-chast-2/>).

14. *Михневич С.В.* США против Китая: бирманский фронт
(<http://modernpolitics.ru/2012/02/ssha-protiv-kitaya-birmanskijj-front/>).
15. *Михневич С.В.* Трансформация внешнеполитической идеологии КНР в 1949–2012 гг. и ключевые парадигмы современной китайской внешней политики // Материалы 3-й международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» / Отв. ред. Д. Буяров. Благовещенск, 2013. С. 200–206.
16. *Михневич С.В.* Что было до АСЕАН. Вместо предисловия
(<http://modernpolitics.ru/2012/04/chto-bylo-do-asean-vmesto-predisloviya/>).
17. Пять принципов мирного сосуществования
(<http://www.febras.ru/partnery/kitaj/197-vneshnyaya-politika.html>).
18. *Тимофеев О.А.* Модели интеграции в Восточной Азии. Влияние Китая. Позиции США // Россия и АТР. 2009. № 2. С. 48–63.
19. Китай в 21 веке: глобализация интересов безопасности / Под ред. Г.И. Чуфрина. М.: Наука, 2007. 327 с.
20. 1st ASEAN-U.S. Leaders' Meeting Joint Statement (www.aseansec.org/24020).
21. *Allen Kenneth W.* PLA Air Force Operation and Modernization
(http://www.china-defense.com/aviation/plaaf-ops/plaaf-ops_01.html).
22. ASEAN-United States of America Joint Declaration for Cooperation to Combat International Terrorism Bandar Seri Begawan. 1.08.2002 (www.aseansec.org/7424).
23. *Bisley N.* Building Asia's Security. London: IISS, 2009. 160 p.
24. *Blackwill Robert d., Dobb P.* America's Asian Alliances. Harvard University, 2000. 146 p.
25. *Buzan B. Wæver. O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2003. 570 pp.
26. *Cossa Ralph A.* Security Dynamics in East Asia: Geopolitics vs. Regional Institutions // International Relations of Asia / Ed. by David Shambaugh and Michael Yahuda. New York: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2008. 384 p.
27. Declaration of ASEAN Concord Indonesia. 24.02.1976
(<http://www.aseansec.org/3630.htm>).
28. *Drezner D.W.* The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. Cambridge, 1999. 353 p.
29. *Egbert F. van der Putten F-P.* ASEAN, China's Rise and Geopolitical Stability in Asia // Clingendael Paper. 2011. No. 2. April. 54 p.
30. *Emmers R.* Cooperative Security and the Balance of Power in ASEAN and the ARF. New York: Routledge Curzon, 2003. 197 p.
31. *Gilpin R.* War and Change in World Politics. New York, 1987. 275 p.
32. Guam Doctrine (<http://www.jstor.org/discover/10.2307/2614209?uid=3738936&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=56205672583>).
33. *Guerrero D-C.* Welcome China! China's Rise and its Increasing Role in ASEAN. Revisiting Southeast Asian Regionalism: Focus on the Global South // Focus on the Global South. December 2006. P. 27–33.
34. *Holsti Ole R.* Making American Foreign Policy. New York, 2006. 390 p.
35. In the Balance: Their Wealth Depends on China, Their Security on America. Which Way Should Asian Countries Face? (www.economist.com/node/17601463).

36. *Kaplan R.D.* The South China Sea Is the Future of Conflict the 21st Century's Defining Battleground Is Going to Be on Water (http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/08/15/the_south_china_sea_is_the_future_of_conflict).

37. *Nguyen Hai Hong.* US – Vietnam ties: time for a rethink (<http://thediplomat.com/2013/07/25/us-vietnam-ties-time-for-a-rethink/>).

38. Overview of ASEAN-US Dialogue Relations (www.aseansec.org/5593).

39. Remarks by the President on the Defense Strategy Review. 5.01.2012 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/01/05/remarks-president-defense-strategic-review>).

40. *Richardson M.* American Commander Aims to Calm China // International Herald Tribune. 15-16.07.1995.

41. SEATO Members (<http://history.state.gov/milestones/1953-1960/SEATO>).

42. *Shambaugh. D.* China Engages Asia // International Security. Winter 2004/05. No. 3. Vol. 29. P. 64-99.

43. *Sutter R.* The United States in Asia: Challenged but Durable Leadership // International Relations of Asia / Edited by David Shambaugh and Michael Yahuda. New York: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2008. P. 85-104.

44. *Tambunan Tulus T.H.* Two Big Economic Crises: The Indonesian experience // (<http://www.apeaweb.org/confer/bus11/papers/tambunan.pdf>).

45. *Thayer Carlyle A.* ASEAN'S Code of Conduct in the South China Sea: A Litmus Test for Community-Building // The Asia-Pacific Journal. 20.08.2012. Vol. 1. Issue 34. No. 4 (http://www.japanfocus.org/-Carlyle_A_-Thayer/3813).

46. *Thayer Carlyle A.* Southeast Asia: Patterns of Security Cooperation. Barton, 2010. 68 p.

47. U.S. Department of State. America's Pacific Century. Remarks. H.R. Clinton, Secretary of State. 10.11.2011 (<http://www.state.gov/secretary/rm/2011/11/176999.htm>).

48. USA PATRIOT Act (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001) (<http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-107publ56/html/PLAW-107publ56.htm>).

49. The Authorization for Use of Military Force (AUMF) (<http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-107publ40/pdf/PLAW-107publ40.pdf>).

50. 戴秉国: 坚持走和平发展道路! - 中国新闻网 7.12.2010 [*Дай Бинго – Придерживаться пути мирного развития*] (<http://www.chinanews.com/gn/2010/12-07/2704984.shtml>).

51. 推动两国集团为时尚早. 台湾经济报. 27.07.2009 [*Для создания G2 ещё не настало время / Тайвань цзинцзибао. 27.07.2009*] (<http://www.cetin.net.cn/cetin2/servlet/cetin/action/HtmlDocumentAction?baseid=1&docno=390814>).